

# СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА

УДК 316.1

## К ПРОБЛЕМЕ ДЕМАРКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

**В.М. Розин**

Институт философии РАН,  
Москва, Россия

rozinvm@gmail.com

В статье ставится проблема разграничения социологии и социальных наук. Хотя социология относится к социальным наукам, в настоящее время стало неясно, в чем ее специфика как социальной науки. Традиционное понимание предмета социологии как науки об обществе подвергается критике, а новые предложения явно неудовлетворительны. Для продвижения в заявленной теме автор анализирует работы Зигмунта Баумана и Бруно Латура, обсуждающих указанную проблему, рассматривает этапы развития социологии, дает методологическую реконструкцию социологического мышления. Показано, что социологические знания и концепции создаются на основе схем и моделей, на их же основе затем формируются идеальные объекты и понятия социологии. Утверждается, что социальный феномен – не объект, а процесс, цикл, начинающийся актом свободы и заканчивающийся формированием социального знания и машины (чаще всего социального института), в которой свобода уже ограничена социальными нормами. Социологические схемы и опирающиеся на них социологические концепции и теории создаются разными социологическими школами и направлениями социологии как рефлексия над социальным опытом, который множественен, поскольку за этим опытом стоят разные формы социальной жизни. Социологическое знание не должно создавать в социуме дополнительных фрустраций и аномий, поэтому социологическое творчество и мышление должны проходить «испытания на дорогах», в роли которых выступает методологическая критика, анализ возможных последствий использования социологических знаний для жизни человека и общества, а также обсуждения, в которых участвуют основные заинтересованные пользователи (сами социологи, население, представители разных социальных институтов).

**Ключевые слова:** социология, социальные науки, аномия, наука, понятия, схемы, реальность, критика, рефлексия, институты.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-3-17

Известный российский социолог А.В. Тихонов в комментарии к нашей с Алексеем Давыдовым книге «Диалог о медиации» написал: «Есть у меня критическое замечание и в адрес понимания социологии со стороны В.М. Розина. Он, например, и в споре с Давыдовым, и в своей последней монографии говорит о социальных теориях

как о синониме социологических теорий. На мой взгляд, это чисто философски-методологическая аберрация сознания относительно сущности социального и социологического знания. В социологии мы видим, что это две большие разницы, но для философов это не так. Мы, например, объясняем студентам на первом курсе социологического факультета, что такое “социологическое

воображение” по Р. Миллсу, как визуально, в быту социологические факты отделяются от социальных, а заодно и то, что ряд так называемых социологических теорий (“Структура социального действия” Т. Парсонса, “Капитализм и современная социологическая теория” Э. Гидденса, “Объект и социальная теория” Н. Смелзера, а также знаменитая четырехтомная “Теоретическая логика и социология” Дж. Александра) не относится у нас к социологическим работам» [11, с. 245].

Я согласен, что разграничение социологии и социальных наук – непростое дело. В работе «Мыслить социологически» З. Бауман, рассматривая компетенции социальных наук (таких как история, политическая наука, право, экономика), пишет, что при анализе компетенций приходится сделать вывод: «социология является остаточной дисциплиной, пробавляющейся тем, что остается вне поля зрения других социальных дисциплин» [2, с. 10]. Когда С.А. Кравченко перечисляет прикладные области социологии [6, с. 29], он следует за Э. Дюркгеймом, но при этом неясно, чем экономическая социология отличается от экономики или почему, изучая экономическую социологию, мы не изучаем одновременно экономические процессы и отношения.

Определение предмета социологии, которое Кравченко затем дает, достаточно тонкое, но тем не менее не решает нашу проблему: «Социология, – пишет он, – наука, которая, опираясь на эмпирически подтвержденные данные, теоретически изучает деятельность людей в конкретном социальном и культурном контексте функционирования общества, его институтов и организаций, противоречивого развития общественного сознания, осознанных и неосознанных мотивов поведения» [6, с. 30]. Но вот мнение Баумана: прикладные разделы

социологии отличаются от соответствующих социальных дисциплин прежде всего *характером проблем* (вопросов), *принципами построения* ее идеальных объектов (моделей) и *отношением к здравому смыслу*. Бауман высказывает предположение, что отличие заключается в вопросах, определяющих, как он пишет, когнитивные перспективы, сквозь призму которых ученые рассматривают, исследуют и описывают человеческие действия, а также в принципах, позволяющих осмыслить полученную информацию и построить модель данной сферы или данного аспекта человеческой жизни.

Например, экономику интересует главным образом соотношение издержек и эффективности человеческого действия в условиях ограниченности ресурсов. Следовательно, делает вывод Бауман, «в экономической науке отношения между действующими индивидами (актерами) выступают как аспекты производства и обмена товарами и услугами, регулируемые спросом и предложением» [2, с. 13]. В то же время предмет интереса экономики не чужд и социологии. Однако, считает Бауман, социология имеет собственную познавательную перспективу, т. е. «свой угол зрения и набор вопросов для изучения человеческих действий, а также собственную совокупность принципов интерпретации фактов» [Там же]. В результате «то, что отличает социологию и придает ей особый характер, – это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур, т. е. отнюдь не случайных совокупностей действующих лиц, замкнутых в сети взаимной зависимости (зависимость же есть состояние, при котором вероятность того, что действие будет предпринято, как и вероятность успеха этого действия, меняются в соответствии с тем, что представляют собой другие дей-

ствующие лица, что они делают или могут сделать» [Там же, с. 14]. Социологи спросили бы, каковы могут быть последствия этой замкнутости, ограниченности людей рамками отношений взаимной зависимости для их реальных и возможных действий. Социологию больше всего интересуют структуры, сети взаимосвязей, взаимообусловленность действия и увеличение или сокращение степеней свободы действующих лиц. И особое место, если говорить о способах проведения демаркации, занимает так называемый здравый смысл. «Вероятно, социология более, чем другие отрасли науки, обнаруживает свою связь со здравым смыслом (с этим богатым, хотя и неорганизованным, несистематическим, зачастую не передаваемым словами знанием, которым мы пользуемся в нашей обыденной жизни), чреватую существенными для ее существования и практики проблемами» [Там же].

Бауман хочет сказать, что экономика и другие социальные дисциплины, в отличие от социологии, ставят во главу угла и конструируют как идеальные объекты (модели) не человеческие действия и взаимоотношения, а *деиндивидуальные* образования (например, обмены и рыночные отношения, способы разрешения конфликтов в праве и пр.), в которых антропологический план является лишь одним из факторов. Напротив, социология моделирует «структуры, сети взаимосвязей, взаимообусловленность действия и увеличение или сокращение степеней свободы действующих лиц», причем, как подчеркивает Бауман, в контексте «более широких структур» [Там же, с. 12–14].

Вернемся к замечанию Тихонова. Да, я не социолог, а социальный ученый. Анализируя какой-либо конкретный социальный феномен, например, экономику или природу войны (на материале походов Алек-

сандра Македонского), я анализирую не только взаимоотношения и действия людей, но и *на равных* другие стороны социальности, например, историческую обусловленность, действие институтов и картин мира, психологию акторов, экономические отношения, политические действия и пр. [7]. Если бы, скажем, рассматривая походы Александра Македонского, я встал на социологическую точку зрения, то мне бы пришлось отойти от указанной симметрии в отношении привлекаемых социальных дисциплин и выделить одну главную: взаимоотношения и действия людей, включая сообщества. То есть меня бы интересовали главным образом взаимоотношения Александра со своей армией, македонским царским двором, античными полисными соображениями, проигравшей сражения восточной знатью, а все остальные социальные ракурсы я бы использовал в объяснительных целях как факторы, определяющие выделенные антропологические (социальные) процессы и взаимодействия.

Другое дело, что *без соответствующей рефлексии* удержать указанную асимметрию в социологическом исследовании не так-то просто. Вот, например, Бауман анализирует холокост. Он считает себя социологом, но в своих исследованиях обращается и к другим наукам, и не только к социальным: к истории, социальной психологии, культурологии, философии техники, аксиологии. Читая «Актуальность холокоста», трудно понять, является ли для автора социологический план основным, главным. Часто Бауман покидает социологическую колону, сползая на позиции социального ученого, методолога и критика.

Другой пример – «посредники» Бруно Латура. Латур подхватывает очень важное наблюдение Баумана и некоторых других

социологов о том, что в современном мире социальные отношения и связи *опосредованы* техническими объектами, деятельностью, разными принципами, стандартами и др. Более того, он кладет этих посредников в основание своей онтологии, что выталкивает его из социологии в социальную науку. Посредники, пишет Латур, открыли нам свои настоящие имена: «Мы – существа внешнего мира, собирающие и объединяющие коллектив той же протяженности, что и то, что вы до сих пор называли социальным, ограничивая себя лишь стандартизированной версией сборок; если вы хотите следовать за самыми акторами, вы должны идти и за ними» [5, с. 331]. «Когда вы начинаете внимательно обращаться с посредниками, то осознаете, что очень немногие из них довольствуются онтологическим репертуаром, предоставляемым двумя старыми коллекторами (предельными онтологиями социологии. – В.Р.) – природой и обществом» [5, с. 332].

Безусловно, социальные связи предполагают цепи опосредований. Но что это означает для социологической реальности? Или иначе: какие опосредования работают на человека, а какие против него, и как они вообще влияют на человеческие отношения? В этом отношении исследование Баумана выгодно отличается от работы Латура. В книге «Актуальность холокоста» Бауман тоже много внимания уделяет опосредованиям, обсуждая фашистские проекты, создание нацистами новых социальных технологий, особенности немецкой бюрократии. Всё это сложные цепи опосредований (предполагающие разделение труда, «производство отрицательного образа еврея и дистанции», замену морали технологическими функциями и др.), позволившие развернуть социальные связи, которые и со-

ставили социальную реальность холокоста. Но кроме анализа этих посредников Бауман показывает, что построенная на их основе реальность в корне изменила отношения между людьми, позволив одним превратить других в объекты манипулирования и в прямом смысле материального преобразования (убийства).

Возможно, социолога ответ Баумана о специфике социологии вполне удовлетворит, но меня – только частично. Всё же непонятно, что именно в человеческих взаимоотношениях и действиях интересует социологию? Надо сказать, что Бауман пытается ответить и на этот вопрос, причем обращаясь к истории социологической мысли. Он показывает, что социологическая наука прошла в своем развитии три этапа. На первом в качестве объекта изучения выдвигается **общество**, рассматриваемое как особая *природа* (что во многих направлениях социологии сохраняется до сих пор), а основной подход в плане представления и анализа общества заимствуется из методологии естествознания. В свою очередь, это означало присвоение социологами ценностей прогнозирования и управления социальными явлениями.

Рассматривая этот первый этап, Бауман пишет, что Э. Дюркгейм считал, что социальные факты отличаются от фактов природы только в одном отношении: в социальной реальности связь между нарушением общественной нормы и понесенным нарушением наказания является не естественной, а «искусственной». Тем не менее, по мнению Дюркгейма, подобное различие не меняет «вещественного» характера социальных норм и не мешает их объективному изучению. «Желая правильно описать и объяснить человеческое поведение, социолог должен (и его призывают)

оставить в стороне человеческую душу, намерения и личные смыслы, о которых нам могут поведать только сами индивиды (“загадки человеческой души”, таким образом, обречены оставаться незамеченными и непроницаемыми), и обратиться к изучению явлений, которые можно наблюдать со стороны и которые будут казаться разным наблюдателям одинаковыми» [2, с. 231].

Баумановскую характеристику первого этапа развития социологии полностью поддерживает и Латур, который пишет, что «рожденная в суровые времена, социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [5, с. 344]. Отсюда понимание социальных связей как каузальных отношений, а также трактовка предельных социальных реальностей (прежде всего общества) как особой природы. Общество, считает Латур, в традиционной социологии мыслится законосообразно и выступает в роли онтологин, поэтому, вместо того чтобы исследовать реальные социальные феномены, социологи сводят их к наперед заданным отношениям общества.

Для второго этапа, связанного прежде всего с именем М. Вебера и его последователями, характерен, по убеждению Баумана (и ряда других социологов), не естественно-научный, а *гуманитарный* подход. «Мысль о том, что существует один, и только один, способ “быть наукой” и что поэтому социология должна самоотверженно подражать естественным наукам, Вебер категорически отвергает... Реальность у людей, или человеческая реальность, отличается (и в этом она поистине уникальна) тем, что действующие субъекты наделяют свои действия смыслом. Они обладают мотивами, действуют, чтобы достичь поставленных целей. Именно цели объясняют их действия. По этой причине человеческие

действия, в отличие от пространственных перемещений физических тел или химических реакций, надо прежде всего понять, а не объяснить. Точнее, объяснить человеческое действие – значит понять его: уловить смысл, которым действующий субъект наделяет его» [2, с. 232]. Хорошим примером реализации в социологии подобного гуманитарного подхода выступает работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [4].

На третьем этапе, говорит Бауман, в социологии во главу угла была поставлена не теория, а **практика**. Этот подход, считает Бауман, вполне отвечал формуле Фрэнсиса Бэкона: «Покорять природу, повинуйся»; причем здесь социологи «перепутали истину с пользой, информацию с контролем, знание с властью» [2, с. 235]. Отвечая на призыв власти доказать обоснованность социологического знания практическими выгодами, социология «должна была принять во внимание перспективу управления: рассматривать общество “сверху” как материал, обладающий способностью к сопротивлению, как объект манипуляции, внутренние свойства которого нужно лучше узнать, чтобы он стал податливее и восприимчивее к той форме, какую ему захотят придать» [Там же]. С точки зрения Баумана, реализация данного подхода заставляет активно поддерживать существующую асимметрию власти. В результате, говорят критики, социология лишь усиливает контроль над теми, кого уже контролируют; она еще больше меняет ситуацию в пользу тех, кто уже наслаждается лучшим положением. Но ответственность за это, считает Бауман, нельзя возлагать только на социологию. «Социология является жертвой реального социального конфликта, внутреннего противоречия, раскалывающего все

общество, т. е. противоречия, которое социология не в силах разрешить» [2, с. 236].

В настоящее время, по мнению многих социологов, их дисциплина переживает глубокий кризис. Например, С.А. Кравченко связывает его, с одной стороны, с критикой основных подходов и парадигм социологии, с другой – с реальными трансформациями социальности. «Отмечалось, – пишет он, – что и структурный функционализм слишком акцентирует влияние социального целого по отношению к социальным субъектам – прежде всего, реально действующим людям. Кроме того, критиковалась и *натуралистичность* этих парадигм, которые строились на убеждении, что социальные законы и законы природы едины по своей сути – они могут быть открыты путем анализа и обобщения фактов, и те и другие объективны. Из чего следовало, что открытые “исторические законы” позволяли прогнозировать в принципе безальтернативное будущее. Между тем факты развития обществ и на Западе и на Востоке всё больше свидетельствовали об отсутствии жестких объективных закономерностей вообще. Слабости отмечались и в интерпретативных парадигмах, которые критиковались за их абсолютизацию, максимальную актуализацию субъективного начала, что приводило к другой крайности – умалению влияния социально-культурного контекста на человеческую деятельность» [6, с. 29]. Иными словами, возникла потребность в существенном обновлении социологического знания, в методологии исследования социальных реалий и, соответственно, самого предмета социологической науки...

«Второй фактор, повлиявший на изменение предмета социологических исследований, – *изменение, усложнение самой социальной реальности и как следствие этого – изменение потреб-*

*ностей общества, появление новых социальных запросов.* Так, сегодня социология стала переосмысливать традиционные представления о социальных группах общества (что представляет интеллигенция, интеллектуалы, рабочий класс, “новые русские” и др.). Ныне социальные конфликты анализируются не только через призму воздействия внешних экономических и социальных факторов, но и с учетом того, что возрастает роль социальных процессов, характер которых зависит от конкретной деятельности или бездеятельности социальных агентов (отдельных личностей или социальных групп)» [Там же, с. 29–30].

О кризисе традиционной социологии пишет и Латур, показывая, что основные ее понятия перестали работать. Он берет в качестве примера четыре основные социологические понятия: «группа», «действие», «актор» и «объект», показывая, что они неопределенны или что сегодня смыслы этих понятий противоположны традиционным социологическим истолкованиям (например, группа предполагает постоянное перерождение, действие располагается в разных горизонтах, актор множественен в своей идентичности, а объект может вести себя как актор) [5]. Не устраивает Латура и понятие общества: оно неопределенно в своих границах (если вообще не является иллюзорной реальностью). Пользуясь традиционным понятием, социолог не видит этой проблематичности и иллюзорности. «Однако, – пишет Латур, – для АСТ (акторно-сетевой теории. – В.Р.) ситуация совершенно другая, потому что ни общества, ни социального с самого начала не существует» [Там же, с. 54]. «Но как только вы измените модус существования публичного, превращая его в общество, чтобы сохранить за собой огромную, противоречивую и трудную задачу объединения его политически-

ми средствами, его *проблематическая хрупкость* исчезает. Политическое тело превращается в общество, которое, как предполагается, держится собственной силой (т. е. является предельной онтологией. – В.Р.) даже в отсутствие какой бы то ни было политической активности» [Там же, с. 228]. «Пока мы ищем за коллективом тень общества, а за обществом – тень Левиафана, никакая наука о социальном не может продвигаться вперед. Говоря более резко, или общество – или социология» [Там же, с. 229].

Действительно, если некогда общество мыслилось как нечто целое, притом противопоставленное власти и национальному государству, то в настоящее время под влиянием процессов глобализации, СМИ и «изобретательного государства», способного, как пишет Бауман, «заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование» [3, с. 117] общество понимается как множество сообществ и социальных слоев.

Разобранном трем подходам Бауман противопоставляет свой, тоже гуманный. Кратко суть его можно передать в трех основных положениях. Во-первых, эпистемический статус социологических знаний – не законы, не понимающие и осмысляющие конструкции в духе Вебера, а *интерпретации, конституирующие (структурирующие) социальную реальность*. Во-вторых, *социальные формы жизни множественны*, и социология в своих понятиях должна схватывать этот момент. Наконец, третье, еще более важное: *социолог рассматривает человеческие действия и взаимоотношения под углом зрения свободы*. Бауман утверждает, что «знание, будучи упорядоченной картиной мира, картиной порядка, содержит в себе и интерпретацию этого мира». Знание не

отражает вещи сами по себе *как они есть*; наоборот, «вещи становятся для нас существующими благодаря имеющемуся у нас знанию». Отождествляя знание и язык, Бауман продолжает эту линию, говоря, что язык не сообщает извне о том, что уже произошло, а с самого начала пребывает внутри жизни. При этом «существует много форм жизни», и они не отгорожены друг от друга непроницаемыми стенами; это упорядоченные, общие образцы, но зачастую навязываемые друг другу. Поэтому, говорит Бауман, возникают проблемы понимания и даже опасность прекращения коммуникации. «Предпринимаемые вновь и вновь попытки сделать общение понятным и несложным (путем “замораживания” интерпретаций, содержащихся в языке, навязывания каждому слову однозначного и обязательного определения) ничего не дают и не могут дать, поскольку разговаривающие на данном языке люди, имеющие свои собственные, отличные от других интерпретации одних и тех же слов, постоянно привносят во взаимодействие людей различные совокупности форм жизни» [2, с. 240].

Власть, считает Бауман, рассматривает это как препятствие на пути к достижению ее целей. Она, естественно, пытается преградить путь всем нежелательным поступкам в контролируемый ею массив знания, «запечатать» новые формы жизни. «Стремление к монополизации власти выражается в объявлении сторонников альтернативы диссидентами, в общей нетерпимости к плюрализму мнений, в цензуре и в крайнем своем выражении – в преследовании (сожжение еретиков инквизицией, расстрел диссидентов во время сталинских чисток, узники совести при современных диктаторских режимах).

По своей природе социология на редкость плохо приспособлена к такому занятию, как «запираание» и «опечатывание». Социология – это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта, – литературой, искусством, философией. Социологическое мышление по меньшей мере подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности. Социологическое мышление не затрудняет, а способствует потоку переживаний и их обмену. И если говорить прямо, оно прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия “заморозить поток” и захлопнуть все входы и выходы. С точки зрения власти, озабоченной установленным ею порядком, социология является частью хаотичного мира, скорее проблемой, чем решением.

Наилучшая служба, которую социология может сослужить людям в их повседневной жизни и сосуществовании, – это стимулирование взаимного понимания и терпимости как постоянных условий общей свободы... Социологическое мышление помогает делу свободы» [2, с. 242].

Помогает или *должно помогать*? Подрывает «веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации» или *должно подрывать*? Оставим пока эти вопросы, чтобы вернуться к ним дальше. Пока

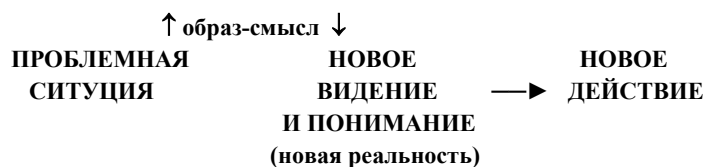
же начнем с первого положения: социальные знания – это интерпретации и конституенты форм социальной жизни. В целом это верно, но не в деталях; а Бог, как известно, в деталях. Интерпретации и конституенты создают не сами по себе знания, а **схемы**, к которым знания относятся. Вот, например, Бауман в работе «Актуальность холокоста» строит такую нарративную схему: *под влиянием репрессивных социальных институтов сознание немецкого народа трансформировалось в направлении своеобразной амнезии моральных норм.* «Готовность к действию вопреки своему собственному суждению и вопреки голосу совести, – пишет Бауман, – не просто следствие исходящего от власти приказа, но результат воздействия целенаправленного, недвусмысленного и монопольного источника власти. Такая готовность, вероятнее всего, появляется внутри организации, не допускающей оппозиции, не терпящей автономии и в которой линейная иерархия субординации не знает исключения... Такая организация, однако, скорее всего, эффективна при одном или двух условиях. Она может надежно изолировать своих членов от остального общества, когда она получила или захватила контроль над жизнедеятельностью и нуждами большинства или всех членов (приближаясь тем самым к модели тотальных институтов Гоффмана), чтобы исключить возможность влияния конкурирующих источников власти. Или же она может быть просто одной из ветвей тоталитарного или квазитоталитарного государства, превращающего все свои ведомства в зеркальное отражение друг друга» [3, с. 196].

Подобная схема, во-первых, позволила Бауману объяснить важный аспект холокоста. Во-вторых, она действительно выступа-



ет как интерпретация и конституента социального процесса, позволяя по-новому понять и увидеть его; в свою очередь, открывшееся новое понимание выступает услови-

ем для нового политического или индивидуального действия. Указанные функции схемы я изображаю тоже на схеме (методологической) следующим образом.



Применительно к нашему случаю эту схему можно интерпретировать так: проблемная ситуация – это проблема объяснения холокоста, стоящая перед Бауманом; схема – нарратив («под влиянием репрессивных социальных институтов сознание немецкого народа трансформировалось в направлении своеобразной амнезии моральных норм»); новое видение и понимание, характерные для новой реальности, складываются в результате построения этого нарратива и работы с ним; новое действие – например, политическое, – опирается на предложенное Бауманом социологическое объяснение холокоста (подробнее о схемах см. [3])

Так вот, мои исследования показывают, что в гуманитарных и социальных науках интерпретации и конституенты реальности создаются на основе схем. Разрешая проблемные ситуации, стоящие в этих дисциплинах, гуманитарии и социальные ученые изобретают схемы, и если они работают так, как ожидается, эти схемы конституируют соответствующую гуманитарную или социальную реальность. В этом отношении Баумана можно поправить. Да, социальная реальность задается социологом, но не на основе социологических знаний, а с помощью изобретаемых им схем. Другое дело, что видит эту новую реальность социолог, работая со знаниями, которые от-

носятся к данным схемам. Ему даны знания, а не схемы, эти последние есть результат методологической реконструкции (в данном случае В. Розина). Однако если эта реконструкция будет эффективной, работающей, социолог тоже начнет видеть создаваемые им схемы.

Частным случаем схем являются модели. Это такие схемы, которые в определенных контекстах можно использовать вместо объекта. Социальные модели удается построить относительно стабильной социальной реальности. Например, в моем понимании Бауман объясняет феномен холокоста, с одной стороны, создавая ряд схем, с другой – строя модели, на которых он старается показать, что и в настоящее время существует почва для фашизма, т. е. для формирования явлений, подобных холокосту, существуют стабильные социальные условия. Рассмотрим эти схемы.

- Уникальное стечение ряда обстоятельств (Бауман пишет, что «только сочетание факторов является необычным и уникальным, а не сами факторы. По отдельности каждый фактор является вполне обычным и нормальным»).

- Евреи, приходя на территорию национального государства, не ассимилировались в его культуре. Они использовались властями для решения ряда задач, вызывающих у коренного населения протесты, в ре-

зультате чего сложилась традиция и практика антисемитизма.

- Приход к власти в Германии фашистов и сосредоточение управления государством и обществом в руках одного человека.

- Исповедование Гитлером концепции «окончательного решения еврейского вопроса как необходимого условия развития Третьего рейха».

- Наличие в Германии отлаженной государственной машины и бюрократии.

Теперь рассмотрим *модели*.

- Принятие в качестве доминирующей концепции идеального расового общества и государства, не допускающего чужеродных антропологических сред.

- Подавление общества государством, управляемым пассионарной фашистской элитой.

- Слабость («недоразвитость») немецкой демократии, которая не смогла противостоять государству и контролировать его.

- Создание эффективной социальной машины и институтов подавления и уничтожения евреев и других нежелательных элементов.

- Перерождение личности и нравственности немцев, живущих в социальных условиях Третьего рейха (см. [3]).

Думаю, нетрудно переформулировать эти условия как стабильные, и Бауман их так и понимает. Он пишет, что «холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры» [Гам же, с. 10]. «Современные условия делают возможным появление

«изобретательного» государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование. Что еще более важно: современные условия обеспечивают необходимый «материал» для такого управления и администрирования. Современная эпоха, как мы помним, это время искусственного порядка и грандиозных социальных «дизайн-проектов», время плановиков, визионеров и – в более общем плане – культивирующих нечто «садовников», воспринимающих общество как целинную землю, которая должна культивироваться в соответствии с их планами». [Гам же, с. 140]. «Два самых известных и страшных случая современного геноцида (фашизм и коммунизм) не изменили духу современности... Они породили огромный и мощный арсенал технологий и организаторского искусства. Они произвели на свет институты, которые служат одной-единственной цели – смоделировать поведение человека до такой степени, что он будет продуктивно и энергично преследовать любую цель, причем независимо от того, получил ли он идеологическое обоснование или моральное одобрение со стороны тех, кто поставил перед ним эту цель. Эти мечты и усилия узаконивают монополию правителей на конечные результаты, а управляемым отводят роль средства. Они определяют большинство действий как средства, а средства должны подчиняться конечной цели – тем, кто ее поставил, высшей воле, высшему знанию». [Гам же, с. 117].

Теперь второе положение Баумана – о многообразии форм социальной жизни. Да, это так, и вот почему. Социальная реальность двояка: с одной стороны, это *социальные структуры* (например, институты и организации), с другой – *формы социаль-*

ной жизни, а они *популярны*. Формы социальной жизни, о которых пишет Бауман, не совпадают прямо с социальными организациями, но первые всё же являются следствием вторых. Например, в новоевропейской культуре не только допускаются, но и культивируются разные формы социализации и жизни (на это, в частности, указывают концепции личности и творчества). Важной особенностью жизни социальных организаций является то, что они посредством творчества индивидов создают «социальные машины» (власть, государство, институты, различные организации и пр.). Создают в ответ на проблемы, тем самым решая их. По отношению к ним социальные машины выступают как *социальная техника*, а по отношению к человеку – как *социальные структуры*. Здесь мы плавно переходим к анализу третьего положения Баумана – о роли свободы.

Да, условием социального развития является решение социальных проблем, невозможное без творчества и свободы. Но свобода свободе рознь. Она может приводить к анархии и может быть направлена против человека и культуры. Например, изобретение государства в Античности предполагало свободу: свободные римские граждане должны были решиться жить поновому, передав специальной организации – государству – значительную часть своих прав в обмен на эффективную власть и защиту от врагов. В одних случаях подобная организация способствовала процветанию свобод, в других случаях свобода угнеталась.

Обратимся к работам Аристотеля «Политика» и «Этика». В них Стагирит не только обсуждает, что такое благо для отдельного человека и общества и как должна быть устроена социальная жизнь, но и вы-

являет необходимые для этого условия (*свобода, возможность быть личностью, равноправие*). «Итак, – пишет Аристотель, – одним из признаков демократического строя, по признанию всех сторонников демократии, является свобода. Второе начало – жить так, как каждому хочется; эта особенность, говорят, есть именно действие свободы, тогда как следствие рабства – отсутствие возможности жить как хочется... Отсюда уже возникло стремление не быть вообще в подчинении – лучше всего ни у кого, если же этого достигнуть нельзя, то по крайней мере хотя бы поочередно. И в данном случае это стремление совпадает с началом свободы, основанным на равноправии» [1, с. 571].

Эта цитата Аристотеля естественно подвела нас к обсуждению систем обеспечения античного социального организма, главными из которых Аристотель считал *власть, государство, хозяйство и судопроизводство*. Власть в Античности была устроена совершенно иначе, чем в Древнем Египте или Вавилоне: человек соединялся с системами управления не навсегда, как цари, а лишь временно, причем это соединение опосредовалось новым институтом – *государством*. Кроме того, способов соединения человека с управлением (типов власти) было несколько.

Хотя историки постоянно пишут о государствах древних царств, с моей точки зрения такой социальной институт в этих культурах еще не сложился. Государство, понимаемое как особая организация власти, формируется только в Античности. Оно понадобилось обществу, защищавшему себя от произвола власти, несмотря на то что чаще всего эту власть общество ставило и санкционировало само. Но, получив рычаги управления, власть нередко узурпировала права граждан и общества, порабо-

щала их, начинала использовать свое положение для собственных целей, ничего общего не имеющих с общественными. В «Политике» Аристотель описывает много таких случаев. Не меньше дает и история Древнего Рима.

Скажем, Луция Корнелия Сулла в качестве диктатора римский сенат и комиции в ситуации глубокого социального кризиса выбрали сами, но дальше события развивались совсем не по демократическому сценарию. «Сулланские учреждения – сенат, комиции и магистраты, – отмечает В.С. Сергеев, – оставаясь по форме и по названию республиканскими учреждениями, по сути дела являлись уже императорскими административно-бюрократическими органами: сенат – государственный совет, состоявший в значительной степени из фаворитов Суллы, магистраты – чиновники, подчиненные сенату, войско – профессиональная армия, зависимая от своего вождя (императора), от него же зависела и большая часть оптиматов и всадников, занимавших в армии посты интендантов, обслуживающих армию. О законе, голосовании или жеребьевке теперь уже не было и речи, после того как все оцепенели от ужаса, замкнулись в себе и молчали... Теперь римляне, наконец, поняли, что у них уже не существует свободного, законного голосования и что вообще ведение дел уже не в их власти. В этом чрезвычайно сомнительном положении даже тень народного голосования казалась желанной как эмблема свободы. Они голосуют и избирают Суллу неограниченным государем на срок, какой ему будет угодно. Правда, и прежние диктаторские полномочия были беспредельны, но важным ограничением была краткость срока. Теперь же, когда впервые отпало ограничение и во времени, власть диктато-

ра превратилась в настоящий произвол – тиранию» [10, с. 130].

Итак, можно зафиксировать два важных положения: *социальное развитие предполагает свободу, которая может работать как на человека, так и против него, и необходимым условием формирования новой социальной структуры выступает изобретение социальных машин* (новых социальных структур). Бауман пишет, что в ситуациях, требующих развития, люди начинают вести себя не по правилам, свободно; только так они могут решить стоящие перед ними проблемы. Но каким образом нужно действовать, чтобы обретенная свобода работала на человека, а не против него? Вот здесь и проступает социальная природа. Сначала она проявляется как сопротивление и неопределенность, не позволяющие социальному актору получить нужный результат. Потом, по мере того как человек нащупывает нужное решение, изобретает схемы и социальные машины, устройство социальной природы проявляется в социальном знании. Другими словами, социальный феномен – не объект, а *процесс, цикл, начинающийся как акт свободы и заканчивающийся формированием социального знания и машины* (чаще всего института), в которой свобода уже ограничена («спелёнута») социальными нормами. Например, примерно по этой схеме формировались в свое время монастыри. Начиналось это актами свободы – как движение нетерпеливых ранних христиан, страстно желавших еще при жизни обóжиться (они разрывали с обычной жизнью, шли в пустыни, кардинально меняли свою жизнь), а закончилось созданием монастырей как особых организаций (устав, нормированный и контролируемый образ жизни) и формированием нового социального института [9].

Одно из направлений развития социальности – превращение новых социальных машин в средства решения социальных задач, в том числе таких, которые направлены против человека и культуры (например, рассмотренная выше диктатура Суллы или культ личности Сталина). Бауман прав, говоря, что государство часто создает социальные машины, блокирующие свободу граждан, но в отношении социологии не совсем точен. Только некоторые из современных социологов провозглашают требования улучшения жизни людей, общего мира, снижение разногласий и конфликтов или, как писали еще Платон и Аристотель, общественного блага. «Мы, – пишет Латур, – хотим быть более беспристрастными, чем это возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий (речь идет, как бы сказал Бахтин, о предоставлении голоса самим актерам. – В.Р.). Но мы хотим и большего участия... благодаря которому можно помогать по частям собирать коллектив, предоставляя ему арену, форум, пространство, представление благодаря скромнейшему посредничеству рискованного отчета – обычно это хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте» [5, с. 175]. «Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их *композиция*, чтобы *выстроить* общий мир» [Там же, с. 355].

Другие социологи удовлетворяются построением схем, не стремясь реализо-

вать идеалы общественного блага, и спойкойно отдают эти схемы практикам для свободного использования. Спрашивается, можно ли в этом случае считать подобные схемы и знания социологически? Бауман ответил бы отрицательно. Сам он всё время бился над тем, каким образом строить социологическое знание. «Данное исследование, – пишет Бауман, – замысливалось как небольшой и скромный вклад в то, что в сложившихся условиях представляется давно назревшей задачей громадной культурной и политической важности; задачей по переводу социологических, психологических и политических уроков холокоста в самосознание и институциональную практику современного общества... В большей степени данное исследование имеет отношение к пересмотру различных и достаточно важных областей социальных наук (и, возможно, социальных практик), который оказался необходимым с точки зрения процессов, тенденций и скрытого потенциала, обнаруживших себя в ходе холокоста» [3, с. 13].

Я отвечаю более осторожно. С одной стороны, социологические схемы и опирающиеся на них социологические концепции и теории создаются разными социологическими школами и направлениями социологии как рефлексия социального опыта, который, что отмечает сам Бауман, множественен, поскольку за этим опытом стоят разные формы социальной жизни. С другой стороны, действительно социологическое знание не должно создавать в социуме дополнительных фрустраций и аномий. Поэтому социологическое творчество и мышление должны проходить «испытания на дорогах», в роли которых выступает методологическая критика, анализ возмож-

ных последствий использования социологических знаний для жизни человека и общества и обсуждения, в которых участвуют заинтересованные пользователи (сами социологи, население, представители разных социальных институтов).

#### Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.
2. *Бауман З.* Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 255 с.
3. *Бауман З.* Актуальность холокоста. – М.: Европа, 2010. – 316 с.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
5. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
6. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М.: Экзамен, 2002. – 315 с.
7. *Розин В.М.* Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: Ленанд, 2016. – 288 с.
8. *Розин В.М.* Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Ленанд, 2011. – 256 с.
9. *Розин В.М.* Становление и особенности социальных институтов: культурно-исторический и методологический анализ. – М. Ленанд, 2014. – 160 с.
10. *Сергеев В.С.* Очерки по истории древнего Рима. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 829 с.
11. *Тихонов А.В.* Зачем спор, если он не ведет к истине? // Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: Ленанд, 2017. – С. 235–245.

## ON THE PROBLEM OF DEMARCATION OF SOCIOLOGY AND SOCIAL SCIENCES

**V.M. Rozin**

Institute of Philosophy, RAS,  
Moscow, Russian Federation

rozinvm@gmail.com

The article poses the problem of differentiation of sociology and social sciences. Though sociology refers to the social sciences, but now, it has become unclear what its specificity as a social science is. The traditional understanding of the subject of sociology as a social science has been criticized, and the new proposals are clearly unsatisfactory. In order to consider the stated problem, the author analyzes the works of Zygmunt Bauman and Bruno Latour, discussing this topic, he also considers the stages in the development of sociology, provides a methodological reconstruction of sociological thinking. In particular, the author shows that Bauman in his methodology implements three important principles. First, epistemic status of sociological knowledge, the second provision is, that social forms of life are multiple (populyativny) and sociology in its terms must seize this moment. Finally, the third, the sociologist considers human actions and relationships from the perspective of freedom (svoboda). The author tries to show that sociological knowledge and concepts are based on schemes and models; and then, on their basis ideal objects and concepts of sociology are formed. It is stated in the article, that a social phenomenon is not an object, but a process, a cycle beginning as an act of freedom and ending with the formation of social knowledge and creating the machine (usually a social institution), in which the freedom has been already

limited by social norms. Sociological schemes and the based on them sociological concepts and theories are developed by different sociological schools and directions of sociology as a reflection of social experience that is plural, because different forms of social life are behind that experience. Sociological knowledge should not create additional frustration and anomie in the society. Therefore sociological creativity and thinking must pass the “test on the road”, which is provided by methodological criticism, analysis of the possible consequences of sociological knowledge application in human life and society, and discussions involving the main interested users (sociologists, population, representatives of various social institutions).

**Keywords:** sociology, social sciences, anomie, science, concepts, schemes, reality, criticism, reflection, institutions.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-3-17

### References

1. Aristotle. *Politika* [Politics]. Aristotel'. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 376–644. (In Russian).
2. Bauman Z. *Thinking sociologically*. Oxford, Basil Blackwell, 1990 (Russ. ed.: Bauman Z. *Mysl' sotsiologicheskii*. Translated from English by A.F. Filippov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1996. 255 p.).
3. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge, Polity Press, 1989 (Russ. ed.: Bauman Z. *Aktual'nost' kholokosta*. Moscow, Evropa Publ., 2010. 316 p.).
4. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Moscow, Ist-V'yu Publ., 2002. 352 p. (In Russian).
5. Latour B. *Reassembling the political: an introduction to actor-network-theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2014. 382 p.).
6. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya: paradigmy cherez prizmu sotsiologicheskogo vobrazheniya* [Sociology: paradigm through the prism of sociological imagination]. Moscow, Ekzamen Publ., 2002. 315 p.
7. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [Nature sociality: problems of methodology and ontology of the social sciences]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 288 p.
8. Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to skhemologiyu: schemes in philosophy, culture, science and engineering]. Moscow, Lenand Publ., 2011. 256 p.
9. Rozin V.M. *Stanovlenie i osobennosti sotsial'nykh institutov: kul'turno-istoricheskii i metodologicheskii analiz* [Formation and features of social institutions: cultural, historical and methodological analysis]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 160 p.
10. Sergeev V.S. *Ocherki po istorii drevnego Rima* [Essays on the history of ancient Rome]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1938. 829 p.
11. Tikhonov A.V. *Zachem spor, esli on ne vedet k istine?* [Why dispute, if it does not lead to the truth?]. Davydov A.P., Rozin V.M. *Spor o mediatsii: raskol v Rossii i mediatsiya kak strategiya ego preodoleniya* [Dispute over mediation: split in Russia and mediation as a strategy to overcome it]. Moscow, Lenand Publ., 2017, pp. 235–245.